

Ж Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 31

**Интеллектуальная
собственность в XXI веке:
«король умер?»**

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте» Выпуск 31

Интеллектуальная собственность в XXI веке: «король умер?» —

М., 2007. — 56 с.

ISBN 5-8341-0083-X

В книге представлено обсуждение в Никитском клубе основных положений исследования в области интеллектуальной творческой деятельности, проведенного сотрудниками экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова — А.Н. Елисеевым, деканом факультета, и И.Е. Шульгой, научным сотрудником лаборатории институционального анализа. Учитывая сложность и многогранность проблемы интеллектуальной собственности, авторы исследования выбрали объектом своего внимания профессиональную интеллектуальную деятельность как источник дохода.

ББК 67.404.3; 65.271.324; 65.422.57

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 31
Интеллектуальная собственность в XXI веке: «король умер?»

Редактор выпуска Н.М. Румянцева
Редактор В.Ю. Григорьева
Вёрстка А.Ю. Ларионов

Подписано в печать 5.9.2007

Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».

Усл.-печ. л. 4,9. Заказ 02398. Тираж 1000.

Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».

125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13

ББК 67.404.3; 65.271.324; 65.422.57
Н62

Президент **Сергей Капица**
Никитского клуба

Вице-президент **Наталья Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73
факс 234-48-40

эл. почта: *nikitskyclub@micex.ru*

<http://www.nikitskyclub.ru>

К обсуждению Никитским клубом темы интеллектуальной собственности

Понятие интеллектуальной собственности можно обсуждать на двух уровнях. Во-первых, как понятие права, выражающее те или иные экономические и социальные функции, связанные с интеллектуальной собственностью в рамках рыночной, военной или социалистической экономики. Во-вторых, можно обратиться к более фундаментальным аспектам, связанным с информационной природой роста и развития человечества. Именно с такой точки зрения сделаны мои замечания как следствие представлений, развитых при построении информационной теории роста и развития человечества.

Информация, точнее обобщенная информация, приводящая к развитию человечества по квадратичному закону, в отличие от обычной собственности, при ее распространении в обществе размножается, и этот процесс необратим. По существу, вся система обучения, образования и воспитания человека происходит в таких условиях, и на эту деятельность, занимающую в современном обществе очень заметное место, распространять рыночные отношения невозможно. Более того, традиционно все наиболее существенные открытия в области науки сразу с момента публикации общедоступны. То же можно сказать о высших формах творчества в литературе и искусстве. Таким образом, и Большой театр, и Академия наук, и даже РПЦ должны поддерживаться обществом иначе, чем прикладная наука и индустрия развлечений. Это принципиальный и актуальный вопрос.

В качестве примера возникающих противоречий укажем на то, что геном человека был расшифрован практически одновременно международной кооперацией и частной группой Celera, стремившейся присвоить себе эту информацию. После длительной дискуссии при участии ЮНЕСКО возобладала точка зрения, что информация о геноме человека должна быть общедоступна. Такие же вопросы возникают при исследовании космоса и Мирового океана. Эти вопросы касаются и программных продуктов. Если Linux открыт для всех пользователей, то Windows принадлежит Майкрософту, поэтому постоянно возникает вопрос о его монопольном праве на этот продукт.

Демонстрация возникающих противоречий находит свое проявление в пиратстве. В этом смысле «Горбушка», несомненно, прогрессивное явление. В Китае, с одной стороны, демонстрируют, как бульдозерами уничтожают кучи дискет или часов Rolex, а с другой стороны,

закрывают глаза на самых крупных производителей контрафактной продукции... Вместе с тем, MIT и ряд других университетов все свои учебные материалы стали бесплатно предоставлять через Интернет. Наконец, само появление Интернета ставит множество вопросов об авторском праве, пиратских изданиях и распространении информации в современном мире. Поучительно, что Британская Энциклопедия первоначально продавалась на дискете за 300 долл., а на «Горбушке» та же дискета стоила 30 руб. Теперь эта энциклопедия есть в Интернете, так что движение здесь происходит. Можно вспомнить, что в ООН была инициатива безвозмездно предоставлять научно-техническую информацию развивающимся странам, в том числе в области фармакологии и медицины, однако, я не знаю, к чему это привело и какова позиция WTO по этим вопросам.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что в современном мире оборот в области интеллектуальной собственности занимает очень важное место. Много лет назад в Швеции я посетил лаборатории фирмы ACEA, которая затем объединилась с фирмой Braun Bowery, став крупнейшей в мире международной корпорацией в области электромашиностроения. Меня провели в довольно скромное двухэтажное здание лаборатории, где проводились исследования по прикладной сверхпроводимости и разрабатывались новые изоляционные материалы, позволившие на несколько процентов улучшить КПД электрических машин. Однако мое внимание привлекло стоящее рядом большое 20-этажное здание. Это было патентное и лицензионное отделение, с деятельностью которого связано 20% оборота фирмы.

Следует отметить, что крупные фирмы скупают патенты, чтобы контролировать развитие той или иной отрасли. Часто это приводит к замедлению технического прогресса, и с этим, по-видимому, даже связано медленное развитие автомобилестроения. С другой стороны, чисто экономические интересы оборонной промышленности приходят в противоречие с политическими интересами государства и режимом секретности, также контролирующим оборот научно-технической информации в этой области. В связи с этим заметим, что после Второй мировой войны в США ряд крупных ученых, начиная с Ферми, обратились в суд, требуя закрепить за собой права на открытия и изобретения, сделанные во время Манхэттенского атомного проекта. В результате было принято решение, по которому все права были переданы правительству, поскольку работы проводились во время войны и на средства правительства.

В целом вопрос об интеллектуальной собственности и противоречивости этого понятия в современном мире приводит к ряду парадоксальных выводов, главный из которых состоит в том, что знания принадлежат человечеству в целом. Возможно, само понятие собственности связано с примитивными половыми инстинктами человека и зверей, поэтому в век осознания информационной природы человечества необходимо критическое отношение к этому понятию даже в эпоху жесткого капитализма. Так что, да здравствует «Горбушка», и да скроется тьма патентов!

Сергей Капица

Круглый стол
**«Интеллектуальная собственность в XXI веке:
«король умер?»»**

22 марта 2007 г.

Участники обсуждения:

Бондурянский Александр Зиновьевич,
проректор по учебно-методическому объединению Московской Государственной консерватории им. П.И. Чайковского

Вилинов Александр Михайлович,
первый проректор Российского государственного института интеллектуальной собственности (РГИИС)

Горелик Александр Семенович,
директор Информационного центра ООН в г. Москве

Давидсон Аполлон Борисович,
профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова

Елисеев Александр Николаевич,
декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Замирович Елена Николаевна,
начальник отдела научно-исследовательских работ и экспертиз РГИИС

Зимин Дмитрий Борисович,
президент Фонда некоммерческих программ «Династия»

Лермонтов Михаил Юрьевич,
президент Ассоциации «Лермонтовское наследие»,
советник министра культуры РФ

Лесков Сергей Николаевич,
обозреватель газеты «Известия»

Лубенченко Константин Дмитриевич,
вице-президент Ассоциации региональных банков России,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайличенко Юрий Николаевич,

ответственный секретарь Экспертного совета по правовому регулированию и защите интеллектуальной собственности Комитета по предпринимательству ГД РФ

Мухопад Владимир Иванович,

заведующий кафедрой международного патентно-лицензионного бизнеса РГИИС

Рыжов Юрий Алексеевич,

президент Международной инженерной академии

Тамбовцев Виталий Леонидович,

профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Шульга Иван Евгеньевич,

научный сотрудник лаборатории институционального анализа экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, консультант Всемирного банка

Яковенко Игорь Григорьевич,

главный научный сотрудник Института социологии РАН

Круглый вел **Ю.А. Рыжов.**

Ю.А. Рыжов

Уважаемые коллеги, в отсутствие Сергея Петровича Капицы вести заседание Никитского клуба сегодня поручено мне. Сергей Петрович изложил мне свою точку зрения по поводу обсуждаемой темы, и его взгляд на проблему представлен всем в напечатанном виде под названием: «К обсуждению Никитским клубом темы интеллектуальной собственности»¹.

Сегодня у нас два содокладчика: Александр Николаевич Елисеев, декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, и Иван Евгеньевич Шульга, научный сотрудник лаборатории институционального анализа экономического факультета МГУ. Первым выступит Александр Николаевич.

А.Н. Елисеев

Уважаемые коллеги! Сразу приношу извинения от нашего небольшого авторского коллектива, если в докладе присутствуют фрагменты, хорошо известные специалистам в области интеллектуальной собственности. Наличие таких фрагментов продиктовано стремлением наиболее целостно представить нашу точку зрения по поводу обсуждаемой сегодня проблемы. Просим также извинить нас за отсутствие строгих юридических формулировок, поскольку мы не юристы, мы представители экономической науки.

В самом общем виде интеллектуальная собственность представляет собой совокупность специфических общественных институтов, регулирующих в определенной форме права на результаты интеллектуальной творческой деятельности. Общеизвестно, что одним из важнейших свойств результата интеллектуальной творческой деятельности является его неубываемость в потреблении, в отличие, например, от предметов материальной субстанции (как, например, яблоко, зажигалка, пр.). Любой может наслаждаться, скажем, триптихом Босха «Сад земных наслаждений»², и от этого ценность картины не убывает. Точно так же любой может использовать способ изготовления какой-то детали, от чего ценность способа изготовления этой детали тоже не убывает. Вряд ли надо доказывать взаимосвязь интеллектуальной творческой деятельности и общественного прогресса, предполагающую необходимость, с одной стороны, стимулирования интеллектуальной твор-

¹ См. в начале данного выпуска. — Здесь и далее прим. Ред.

² Босх Иероним (1450–1516), нидерландский художник, один из крупнейших мастеров Северного Возрождения.

Ю.А. Рыжов

ческой деятельности, а с другой — диффузии новых знаний в обществе, т.е. быстрого и достаточно широкого их распространения. В действительности реализовать оба эти принципа в некоторых случаях нелегко. В чем суть проблемы?

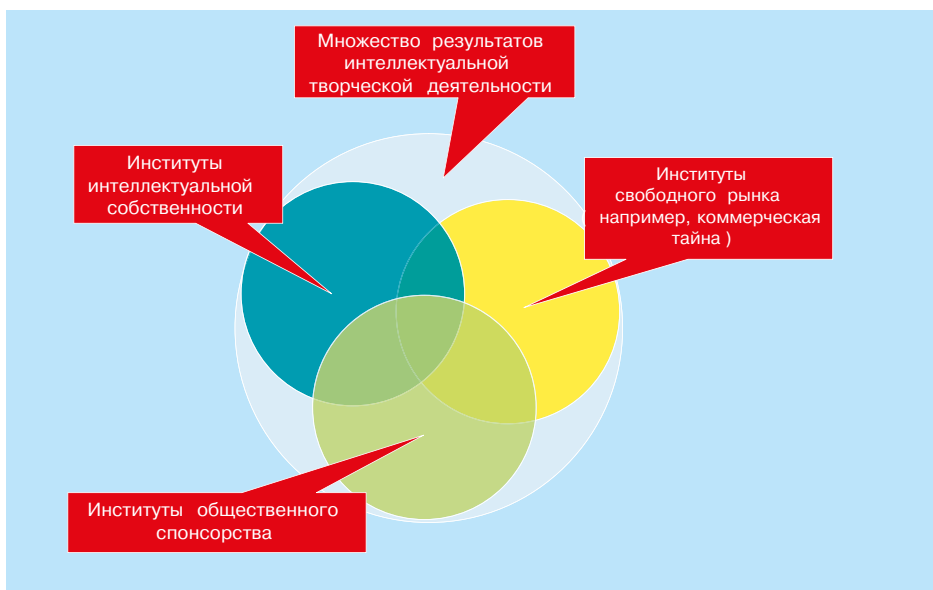
Проблема заключается в неравенстве издержек на создание результата интеллектуальной творческой деятельности и его копирование, хотя издержки на копирование могут быть ниже, нежели издержки на создание интеллектуального продукта. Но с другой стороны, по мере распространения копий в обществе цена их неизменно снижается с каждой новой копией. А коль скоро копия и оригинал ничем не отличаются друг от друга, то и ценность оригинала в этом случае падает. Если так, то это означает, в свою очередь, что создатель интеллектуального продукта не сможет возместить свои издержки на его создание. Следовательно, в дальнейшем у него не будет стимула для занятий интеллектуальной творческой деятельностью из-за того, что он не сможет возместить издержки на такую деятельность. Соответственно, необходимы механизмы разрешения этого противоречия.

На рисунке изображен круг как множество результатов интеллектуальной творческой деятельности. В случае с одним из подмножеств этих результатов интеллектуальной творческой деятельности общество может взять на себя издержки на производство таких результатов:

Фото В. Федорова

А.Н. Елишев

содержание изобретателя, обеспечение его соответствующими ресурсами для такой деятельности и пр. В случае с другим подмножеством результатов интеллектуальной творческой деятельности общество может создать барьеры для несанкционированного доступа к копирува-

нию этих результатов на то время, пока автор оригинала не возместит издержки на создание самого оригинала. В первом случае это может быть, в частности, государственное финансирование. Во втором случае при самом общем и первом подходе это могут быть, например, институты интеллектуальной собственности.

Наконец, в ситуации с третьим подмножеством результатов интеллектуальной творческой деятельности сам изобретатель, автор может создавать барьеры для несанкционированного доступа к использованию этих результатов или их копированию.

Все три подмножества в какой-то части могут пересекаться и иметь общую область, т.е. при производстве одного и того же результата интеллектуальной деятельности альтернативно могут быть использованы различные указанные выше механизмы. Но при этом можно предположить, что в отношении какой-то части результатов интеллектуальной творческой деятельности существуют «пустоты», не охваченные отмеченными механизмами.

Могли ли в прошлом в каких-то обществах, например, в античности, существовать все три механизма одновременно? Вообще говоря, считается, что в античном мире в основном существовали только механизмы государственного финансирования, точнее — общественного спонсирования интеллектуальной творческой деятельности. Действительно, подавляющее большинство дошедших до нас письменных памятников подтверждают это. Тем не менее, по утверждению Кожевниковой и Березиной³, в древнегреческом государстве Сибарис⁴ в V в. до н. э. для поваров, авторов особо удачных рецептов блюд, была установлена монополия: им было предоставлено право запрещать своим конкурентам изготавливать их блюда в течение полугода (в современном понимании это аналогично выдаче патента), если конкуренты не выкупили право (фактически, лицензию) на изготовление этих блюд в своих заведениях.

Существовали ли механизмы сохранения в тайне неких результатов интеллектуальной творческой деятельности в античном мире? Ни мне, ни Ивану Евгеньевичу Шульге не известны письменные свидетельства существования таких механизмов. Но нам также не известны и пись-

³ Кожевникова Л.А., библиотекарь; Березина В.Г., патентный поверенный РФ; источник цитирования доступен по <http://unilib.chel.su/unilib/readcenter/intellekt>.

⁴ Древнегреческая колония на побережье Тарентского залива (Южная Италия). Основан ок. 720 до н. э., крупный торговый центр, жители славились любовью к роскоши (отсюда — сибарит).

менные свидетельства их отсутствия в античном мире. Институты тайны, механизмы сохранения в тайне результатов интеллектуальной творческой деятельности достаточно сильно начали развиваться уже в условиях феодализма, с началом развития ремесла. Можем вспомнить, например, секреты дамасской стали, секреты литья колоколов, в более поздний период — секрет изготовления скрипки Страдивари.

С развитием капитализма, с возникновением и развитием мануфактур появились и достаточно хорошо начали развиваться механизмы предоставления государством монополий на изобретения. Вспомним монополию на изобретение водяных насосов в Венеции, монополию на изобретение плавильных печей и т.д. Наконец, в XIX в. — промышленная революция, развитие уже межгосударственных обменов и необходимость синхронизации локальных государственных актов, регулирующих интеллектуальную собственность на межгосударственном уровне, и, соответственно, заключение Парижской конвенции по промышленной собственности.

Итак, даже такой, очень поверхностный экскурс показывает, что все три механизма в той или иной степени существуют уже как минимум в течение порядка полутора тысяч лет. Почему же их соотношения в разные периоды исторического развития различались? Ответ на этот вопрос будет толчком к ответу на вопрос о судьбе интеллектуальной собственности в XXI в. Дать этот ответ я попрошу Ивана Евгеньевича Шульгу.

И.Е. Шульга

Я продолжу разговор о схеме, показанной Александром Николаевичем, и подробнее охарактеризую три упомянутых им института.

Мы выделяем три механизма, в рамках которых может происходить производство результатов интеллектуальной творческой деятельности (РИТД). Первый — это механизм свободного рынка. Свободного в том смысле, что нет прямой или косвенной интервенции со стороны государства: нет прямого финансирования, с одной стороны, и нет институтов интеллектуальной собственности, — с другой. Тем не менее и в этой «нулевой» ситуации возможен прирост результатов интеллектуальной творческой деятельности, так как существуют естественные механизмы компенсации автору затрат на создание интеллектуального продукта. С одной стороны, автор может хранить технологию производства в тайне. С другой стороны, он может воспользоваться преимуществом выхода на рынок первым. Классический пример — книжный

бизнес, в котором, по мнению экспертов, до 70% выручки приходится на первый тираж.

Кроме того, результаты интеллектуальной творческой деятельности могут быть для создателя не основным продуктом, формирующим центр прибыли, а неким дополнительным, комплиментарным продуктом, как, скажем, программное обеспечение по отношению к мобильным телефонам. В этом смысле интеллектуальный продукт производится в условиях свободного рынка, но является побочным по отношению к основному производству. Наконец, не стоит недооценивать и нематериальные стимулы создателей интеллектуальных продуктов, в частности, стимулы альтруистического свойства, желания установить и укрепить свою репутацию, подать сигнал о своей квалификации и профессиональных способностях и т. д. Так или иначе часть интеллектуальных продуктов возникает даже в условиях свободного рынка, благодаря описанным выше факторам.

Вторая принципиально отличная от свободного рынка система — то, что мы сейчас называем системой интеллектуальной собственности. Она работает иначе. Создателю — автору — предоставляются права, позволяющие ему устанавливать монопольную цену на свой продукт и тем самым ограничивать количество его пользователей.

И, наконец, третий механизм, который, как правило, принято называть общественным спонсорством или *public sponsorship*, где в качестве общественного спонсора в первую очередь выступает государство. Упрощенно можно говорить о государственном финансировании производства результатов интеллектуальной творческой деятельности.

Попытаемся определить критерии для сравнения этих трех механизмов. Для этого важно провести разграничение между частными и общественными интересами. С точки зрения частных интересов создателей результатов интеллектуальной творческой деятельности вроде бы картина довольно простая: чем больше стимулов одновременно будет задействовано, тем лучше. Скажем, я произвожу компьютерные игры. Вероятно, я могу продавать их в условиях “свободного” рынка и извлекать при этом достаточную прибыль. Тем не менее, если мне дополнительно будут предоставлены права интеллектуальной собственности, — отлично, а если, кроме того, я буду получать какое-то финансирование со стороны государства, то вообще замечательно. Единственная оговорка — существуют не только лидеры, но и последователи инноваций. Для последних крайне важен доступ к базовым результатам интеллектуальной творческой деятельности, и в этом смысле смягчение режима интеллектуальной собственности по отно-

Фото В. Федорова

И.Е. Шульга

шению к этим базовым объектам представляет для них практический интерес. Но что касается их собственных продуктов — для них действительно работает эта схема: чем больше механизмов задействовано одновременно, тем лучше.

С точки зрения общественных интересов схема выглядит несколько иначе, потому что общество заинтересовано в производстве результатов интеллектуальной и творческой деятельности с меньшими издержками. В этом смысле идеальной представляется система (зачастую утопическая), при которой все интеллектуальные продукты производятся в условиях свободного рынка. Почему? Да потому, что не нужны дополнительные общественные затраты. Все производится естественным образом. К сожалению, — и это находит отражение в экономической теории, — стимулов свободного рынка, о которых я говорил ранее, оказывается недостаточно для производства результатов интеллектуальной творческой деятельности в оптимальном объеме. Соответственно, обществу приходится выбирать из двух систем — интеллектуальной собственности и общественного спонсорства — наиболее эффективную. Проблема в том, на основе каких критериев сравнивать эти две системы?

Мы предложили три основных критерия, хотя, очевидно, их значительно больше. Первый — это критерий доступа к результатам ин-

теллектуальной и творческой деятельности. При режиме интеллектуальной собственности естественным следствием монопольных цен является ограничение доступа к интеллектуальному продукту, причем важно, что не только для конечных потребителей, но и для потенциальных инноваторов, последователей инноваций. Соответственно, сравнительное преимущество системы государственного финансирования состоит в возможности открытого доступа. Понятно, что значение этого преимущества возрастает в мире сложных технологий, когда в производстве интеллектуального продукта задействовано большое количество субъектов и проблема доступа с минимальными транзакционными издержками становится действительно важной.

Второй критерий — качество отбора инвестиционных проектов и мотивация исполнителей. В экономической теории показано, что частный инвестор в общем случае эффективнее государственного. При системе интеллектуальной собственности инвестиции осуществляет частный инвестор. Он несет издержки и риски, связанные с инвестициями, и он же извлекает прибыль от этих вложений. У частного предпринимателя более тонко настроена мотивация. В случае, когда производство РИТД финансируется государством, риск отбора неэффективных проектов будет несколько выше.

Наконец, третий критерий — распределение бремени издержек. При системе интеллектуальной собственности затраты на производство интеллектуального продукта оплачивает тот субъект, который этим интеллектуальным продуктом пользуется, т.е. происходит в некотором смысле локализация издержек. Затраты производителя на создание компьютерных игр оплачивает непосредственно потребитель, а не общество в целом. В условиях государственного финансирования, под которым мы, в первую очередь, понимаем финансирование через систему налогообложения, затраты на производство компьютерных игр распределялись бы между всеми членами общества. С этой точки зрения можно говорить о сравнительном недостатке системы государственного финансирования по отношению к системе интеллектуальной собственности.

Итак, вот только некоторые критерии, на основе которых можно сравнивать альтернативные системы производства РИТД. Очевидно, что сравнительные преимущества и недостатки, выявленные на основе этих критериев, не абсолютные, а проявляются по отношению к конкретным видам интеллектуальной деятельности или к конкретным РИТД.

Что происходит в динамике? В каждый определенный момент времени устанавливается определенный баланс между тремя альтерна-

тивными механизмами. Со временем под воздействием внешних факторов соотношение может изменяться: роль одного механизма по отношению к определенным РИТД может возрасти, роль другого механизма — снижаться. Иными словами, может происходить «перетекание» определенных результатов интеллектуальной деятельности из одной системы в другую. Мы попытались выделить несколько факторов, которые могут изменять баланс альтернативных систем, их сравнительные преимущества и недостатки.

Первый фактор — снижение издержек копирования. Снижение издержек копирования означает рост издержек, связанных с отслеживанием нарушений и нарушителей прав интеллектуальной собственности. Когда это происходит, то сравнительные преимущества частных технических средств защиты (например, средств шифрования информации), строго говоря, являющихся атрибутами свободного рынка, в сопоставлении с инфорсментом (от англ. enforcement, принуждение. — *ИШ*) интеллектуальной собственности будут возрастать.

Второй фактор — усложнение технологий, вовлечение большего количества участников в производство продуктов интеллектуальной творческой деятельности. Под воздействием этого фактора возрастают сравнительные преимущества систем, основанных на открытом доступе, которые по нашей условной классификации также относятся, скорее, к механизмам свободного рынка, нежели к остальным механизмам.

Третий фактор — сокращение жизненного цикла продукта. Сейчас многие компании, которые производят продукты, связанные с информацией, интеллектуальные продукты, могут по времени не успевать патентовать этот продукт. Продукт появляется на рынке, через полгода он уже устаревает, а за это время необходимо окупить затраты на его производство. Соответственно возрастает роль других, более мобильных и гибких механизмов, в частности, увеличиваются сравнительные преимущества при выходе первым на рынок, возрастает роль эффективного брендинга продуктов.

Изменить баланс между альтернативными системами могут и изменения внутри самих институтов, которые будут влиять на сравнительные преимущества и недостатки различных систем. Скажем, система интеллектуальной собственности — это не свод правил, сформулированных раз и навсегда. Это достаточно гибкая система, внутри которой возможны различные надстройки, связанные, например, с изменением срока действия прав, объема правомочий и т.д. И эта система подстраивается, и будет подстраиваться под существующие реалии в условиях конкуренции с альтернативными системами.

Наконец, с некоторых пор распространение получают смешанные институты, в частности институты, которые сочетают, с одной стороны, государственное финансирование, с другой — предоставление разработчикам прав интеллектуальной собственности. И эти институты во многих случаях работают достаточно успешно. Можно говорить, что для данного рода продукции, для данного вида деятельности одновременно увеличиваются сравнительные преимущества как интеллектуальной собственности, так и системы общественного спонсорства, т.е. общая картина получается достаточно сложная и неоднозначная.

Какие выводы можно из всего этого сделать?

Вывод первый: по-видимому, сохранение интеллектуальной собственности целесообразно до тех пор, и она будет, наверное, сохраняться до тех пор, пока имеют значение ее сравнительные преимущества. Повторю эти сравнительные преимущества: более качественная селекция инвестиционных проектов, более высокая мотивация инвесторов, адресное распределение издержек. Понятно, что эти сравнительные преимущества могут и будут изменяться со временем.

Вывод второй: оценивать перспективы интеллектуальной собственности как института, наверное, имеет смысл не вообще (рассуждая, интеллектуальная собственность — это хорошо или это плохо), а по отношению к конкретному виду деятельности и продукту, потому что и сравнительные преимущества, и сравнительные недостатки этого института могут быть привязаны только к конкретным видам деятельности/продуктам. На этом я остановлюсь.

Ю.А. Рыжов

Прежде чем мы перейдем к обсуждению, я предлагаю задать вопросы нашим докладчикам. Пожалуйста, Дмитрий Борисович Зимин, президент Фонда некоммерческих программ «Династия».

Д.Б. Зимин

Возможно, я что-то не понял: были связаны такие понятия, как интеллектуальная собственность и роль государства, но вместе с тем мы видим, что институт интеллектуальной собственности в разных странах развит по-разному. Люди разные — и государства разные. Лауреаты Нобелевской премии, по крайней мере в области физики, живут главным образом в Америке. Нельзя ли немного подробнее узнать, что думают наши эксперты о глобальном подходе к интеллектуальной собственности применительно к некоему абстрактному государству и роли государства в этом процессе?

Д.Б. Зимин

Можно немного побалагурить на эту тему?

А.Н. Елисеев

По какой причине складывается разное отношение разных государственных политик к интеллектуальной творческой деятельности в современном мире и с чем это связано? «Побалагурить», так «побалагурить».

В первую очередь это, конечно, вопрос ресурсов. Если объемы государственного финансирования, с одной стороны, государственная научная политика страны — с другой, и, наконец, некий рыночный потенциал и гибкость этого рынка позволяют применять как механизмы государственного финансирования, так и механизмы интеллектуальной собственности, и не препятствуют такому чисто рыночному механизму, как, например, институты тайны, то в этом государстве будут нобелевские лауреаты. Будут и достаточно пионерные изобретения — не открытия, а изобретения, прорывы во всех областях интеллектуальной творческой деятельности.

В этом контексте обратимся к временам Советского Союза. Очевидно, что тогда были соответствующие прорывы, соответствующее государственное финансирование, позволявшее осуществлять эти прорывы. Институты интеллектуальной собственности тоже су-

ществовали, но единственным владельцем права этой интеллектуальной собственности было государство.

И.Е. Шульга

Можно мне еще «побалагурить»? Я услышал абсолютно оправданное замечание в наш адрес, что институт интеллектуальной собственности нельзя рассматривать в отрыве от других институтов. Это, безусловно, так, и тут нужно понимать, что сама по себе хорошая, правильно построенная система интеллектуальной собственности вовсе не гарантирует всплеска производства продуктов, результатов интеллектуальной творческой деятельности. Здесь важна вся совокупность действующих рыночных институтов: должна быть конкуренция на рынке, должен быть эффективный режим привлечения инвестиций, должна быть эффективная налоговая система — только все это в сумме может позволить рассчитывать на эффективное производство интеллектуальных продуктов. С помощью лишь системы интеллектуальной собственности, даже совершенной, мы вряд ли добьемся серьезных результатов.

Ю.А. Рыжов

Вопрос у Владимира Ивановича Мухопода, заведующего кафедрой патентно-лицензионного бизнеса РГИИС.

В.И. Мухопад

В докладе прозвучала мысль, что изобретатель, разработчик интеллектуальной собственности может не позволить использовать свой результат, пока ему не будут компенсированы затраты — материальные и нематериальные. Так ли это? Я думаю, это слабый стимул для изобретательской, интеллектуальной деятельности, и изобретатель должен рассчитывать не на компенсацию, а на прибыль.

А.Н. Елисеев

Владимир Иванович, я сожалею, но это, очевидно, из-за некорректности наших формулировок. Безусловно, просто «чистое» возмещение издержек не может быть единственным стимулом для изобретательской деятельности, для конкретного изобретения в случае его успешности. Возмещение издержек дает изобретателю возможность для повторных попыток в своей работе. Важно, чтобы возмещались не только издержки на «успешные» изобретения, но и издержки в случае «неудачных» изобретений, издержки, сопряженные с риском неудачи в буду-

Фото В. Федорова

В.И. Мухопад

щем. Все это без прибыли, причем монопольной прибыли, обеспечить невозможно.

С другой стороны, поскольку монополия экономически неэффективна, то срок присвоения монопольной прибыли должен быть настолько ограниченным, насколько позволяет мотивировать эту деятельность. Именно это мы имели в виду.

В.И. Мухопад

Вот изобрел бы кто-нибудь сейчас вакцину против птичьего гриппа — стал бы миллиардером!

А.Н. Елисеев

Может быть. Но здесь возникает другой вопрос: что оптимальнее с точки зрения роста общественного благосостояния и одновременно стимулирования интеллектуальной творческой деятельности — регулировать создание вакцины через институты интеллектуальной собственности или через институты, например, государственного спонсирования?

Ю.А. Рыжов

В записке Сергея Петровича в качестве примера приводится расшифровка генома человека, который была сделана одновременно, как

он пишет, международной кооперацией и частной группой. Позже мировая общественность решила, что информация о геноме человека должна быть общедоступна.

Пожалуйста, следующий вопрос у Константина Дмитриевича Лубенченко, вице-президента Ассоциации региональных банков России.

К.Д. Лубенченко

Иван Евгеньевич, вопросы, которые Вы проиллюстрировали, в принципе могут быть отнесены к любой форме собственности. Можем ли мы в рамках правовых категорий выделить специфику интеллектуальной собственности? Ведь получается, что тогда область рассуждений перемещается в сферу философии жизни вообще на Земле и назначения человека. В чем же специфика интеллектуальной собственности и ее особое положение, например, по сравнению с чистым воздухом, водой? Сейчас с возникновением проблемы загрязнения воздух тоже стал товаром, элементом рыночной экономики и т.д.

И.Е. Шульга

У меня два соображения в связи с этим. Безусловно, важно рассматривать интеллектуальную собственность как вид частной собственности. В этом смысле стимулы, создаваемые институтом интеллектуальной собственности, близки к стимулам, создаваемым в частной собственности вообще.

Специфика института интеллектуальной собственности, безусловно, существует. На мой взгляд, эта специфика заключается в объектах, к которым применим режим интеллектуальной собственности. Это информационные объекты, это значительные социальные экстерналии, внешние эффекты, это все прочие свойства информационных благ. Соответственно, обычный правовой режим, обычная собственность, как, скажем, в случае со стулом, зажигалкой или компакт-диском, здесь использовать не может. Соответственно возникает система различных исключений, допущений и прочих сложностей, в результате которых институт интеллектуальной собственности становится сложнее и, совершенно точно, отличающимся от институтов собственности вообще.

М.Ю. Лермонтов

Как советник министра культуры и массовых коммуникаций я хочу сказать, что в министерстве культуры этот вопрос рассматривается очень часто и по известным причинам в жестких баталиях. У меня сле-

К.Д. Лубенченко

дующий вопрос: каково ваше отношение к базовой интеллектуальной информационной матрице, с которой начинается формирование уже частной собственности на интеллектуальный продукт? Второй вопрос: как вы относитесь к четвертой главе Гражданского кодекса, где как раз открывается пространство правового обеспечения? Насколько это соответствует вашей модели развития мотивации?

А.Н. Елисеев

Если можно, поясните, что Вы имеете в виду под «базовой интеллектуальной информационной матрицей»?

М.Ю. Лермонтов

В записке Сергея Петровича речь идет о том, что государство должно, безусловно, приобрести определенный набор интеллектуальной собственности, общедоступной для всех. Это я и называю базовым набором.

А.Н. Елисеев

Интеллектуальная собственность — это некий режим, некий механизм регулирования прав на результаты интеллектуальной творческой деятельности. И этот механизм не единственный. Как я по-

М.Ю. Лермонтов

казал на схеме, не любой результат интеллектуальной творческой деятельности может регулироваться институтом интеллектуальной собственности — будь то собственник-государство или собственник-конкретный индивид. Даже в законе об авторском праве, смежных правах, в патентном законе, сегодня еще действующих, указаны результаты деятельности, на которые не распространяется механизм авторского права. К этому относятся, например, и открытия. По какой причине?

Вообще говоря, это объясняется степенью конкурентности и степенью исключаемости результата интеллектуальной деятельности как некоего блага. Когда существует полная неисключаемость и полная неконкурентность, то такое благо невозможно ограничить. Каким образом это можно отрегулировать? Например, закон, ту же четвертую часть Гражданского кодекса РФ прописывали некие люди — авторы работы. Почему четвертая часть Гражданского кодекса как продукт не регулируется авторским правом, законом об авторском праве? По той самой причине, что указанный законодательный акт не конкурентен: одновременно принятых и действующих в одной стране двух текстов четвертой части Гражданского кодекса (именно принятых, утвержденных) быть не может — это первое. Второе: четвертая часть Гражданского кодекса РФ предназначена для сведения всех

членов общества на территории России, поэтому невозможно ограничить, применить механизмы ограничения доступа к пользованию этим законом. То же самое, очевидно, касается и открытий, законов природы и т.д. И в разное время в разных обществах при разных способах производства грань между ограниченным и неограниченным благом была разной.

И.Е. Шульга

Я бы хотел добавить несколько слов по поводу четвертой части Гражданского кодекса. Мы с Александром Николаевичем договорились, что, не будучи юристами, не станем комментировать никакие юридические документы, в том числе и Гражданский кодекс РФ. Но все же, не давая оценки, я хочу показать, как некоторые концептуальные положения ГК РФ не вписываются в нашу концепцию.

Первое, с чем сразу сталкиваешься, — в Гражданском кодексе РФ, по сути, ставится знак равенства между тем, что мы называем результатами интеллектуальной творческой деятельности, и интеллектуальной собственностью вообще, т.е. все объекты подробно перечисляются, и они же называются интеллектуальной собственностью. Нами это воспринимается как определенная идеология, попытка представить интеллектуальную собственность как некий всеобъемлющий институт, охватывающий все РИТД. Концепция, которую мы представили сегодня, принципиально от этого отличается. В ней существуют альтернативные конкурирующие механизмы.

Идеология разработчиков кодекса прослеживается и в других положениях, например, когда говорится о «технических средствах защиты объектов интеллектуальной собственности», в частности, «технических средствах защиты авторского права». С точки зрения нашей концепции эти средства — шифрование информации, кодирование и т.д. — вовсе не технические средства защиты авторского права, а, напротив, механизмы свободного рынка, позволяющие «выводить» определенные интеллектуальные продукты из сферы авторского права и интеллектуальной собственности вообще в сферу свободного рынка. Это не защита авторского права, а наоборот, удар по авторскому праву, технологический удар.

Е.Н. Замирович (начальник отдела научно-исследовательских работ и экспертиз РГИИС)

Я хотела бы вернуться собственно к выступлениям авторов доклада (мы немного от этого отклонились) и заострить внимание вот на чем.

Фото В. Федорова

Е.Н. Замирович и А.М. Вилинов

Осталось впечатление, что в докладе в качестве стимулов называются только рыночные: возмещение издержек, получение доходов, компенсация рисков. Другие стимулы подразумеваются по умолчанию или они считаются несущественными?

И.Е. Шульга

Речь идет о следующем. Чтобы упростить картинку, мы вывели три группы институтов. Первую группу мы условно назвали институтами свободного рынка. Для нас это означает, что в данном случае интеллектуальные продукты производятся без прямого участия государства, не финансируются государством и в то же время не защищаются интеллектуальной собственностью. Мы выносим за скобки всё, что связано с интеллектуальной собственностью и государственным финансированием, и условно называем это институтами свободного рынка. Что они включают? В том числе и те самые стимулы, о которых говорили Вы. И нематериальные стимулы, и альтруизм, и желание прославиться, и что-то еще. Эти стимулы недостаточно хорошо изучены (по крайней мере, исходя из того, что нам известно) и совершенно точно — не оценены. Мы осознаем важность этих стимулов, однако, по ряду причин вынесли их за скобки нашей дискуссии.

А.Н. Елисеев

Хочу добавить, что стимулы интеллектуальной творческой деятельности, как сказал Иван Евгеньевич, естественно, не могут быть исключительно материальными, и если бы мы вдруг это сказали, тут же посыпалась бы масса примеров, опровергающих такой тезис. Вопрос в другом: занимаясь интеллектуальной творческой деятельностью, индивид должен жить, одеваться, обуваться, есть, содержать семью и т.д. Он может это делать за счет занятий именно интеллектуальной творческой деятельностью либо заниматься интеллектуальной творческой деятельностью, получая доход на свое жизнеобеспечение за счет другой деятельности или за счет других источников дохода. Мы с Иваном Евгеньевичем здесь рассматриваем интеллектуальную творческую деятельность как самостоятельную и профессионализированную конкретную форму человеческой познавательной деятельности, отделившейся от практики в историческом процессе общественного разделения труда. В таком смысле материальная составляющая для индивида, занимающегося интеллектуальной творческой деятельностью, существует. Живой пример — выставка Модильяни⁵ в ГМИИ им. Пушкина: источником доходов этого художника была живопись. Поэтому для рассмотрения в своем коротком выступлении мы взяли только тот случай, когда интеллектуальная творческая деятельность служит источником существования.

Ю.А. Рыжов

Переходим к обсуждению доклада. Мы не исчерпали еще потенциал экономического факультета МГУ, и я попросил бы выступить Виталия Леонидовича Тамбовцева, профессора экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В.Л. Тамбовцев

В отличие от своих коллег по университету доклада я, естественно, не готовил.

Хочу подчеркнуть три, на мой взгляд, важных момента, прозвучавших в докладе, затем кое-какие примеры, которые, с моей точки зрения, интересно разобрать, и прежде всего пример, приведенный Сергеем Петровичем в его письменном тексте. Немного отвлекаясь, скажу, что тема, которую мы сегодня обсуждаем, возникла по иници-

⁵ Амедео Модильяни (1884–1920), итальянский художник и скульптор.

В.И. Тамбовцев

ативе Сергея Петровича, но, к сожалению, это обсуждение происходит с ним заочно.

Итак, три момента, которые я хочу подчеркнуть в докладе. Момент первый заключается в том, что понятие интеллектуальной собственности ошибочно связывается со всем комплексом стимулов к творческой деятельности. Интеллектуальная собственность — один из многих вариантов, способных обеспечить нормальные условия для занятий творческой деятельностью. Знак равенства здесь ставить ни в коем случае нельзя, и это важно.

Второй момент: раз существует много разных способов и механизмов обеспечения нормальной жизнедеятельности человека, которого тянет к творчеству, то всегда существует и выбор между этими разными способами.

И третий момент: выбор этого способа не может быть предписан однозначно.

Сегодня прозвучал замечательный вопрос, почему большинство лауреатов Нобелевской премии — в США, а у нас как-то с этим плохо? Дело не в законодательстве, а в комплексе причин: различия национальных инновационных систем, бюджетной политики, существующих в обществе неформальных правил. Все это влияет на интенсивность научных исследований, на их результаты и т.д. Почему я считаю

это важным подчеркнуть? Потому что в последние годы, — может быть, в связи с проблематикой вступления в ВТО, может быть, по другим причинам, — но так или иначе, возникли эти неправильные знаки равенства, а иногда просто тождества: вот защитим интеллектуальную собственность, и начнется всеобщее счастье! Это не мое мнение (в ответ на реплику из зала.— *Ред.*). Я говорю, такое мнение встречается, поэтому как раз и счел важным подчеркнуть, что из доклада явно следует, что это отнюдь не так. Не надо уповать на четвертую часть ГК РФ, принятие которой узаконит интеллектуальную собственность и обеспечит нам расцвет науки.

И последний сюжет в связи с гипертрофированным отношением к интеллектуальной собственности: я хотел бы восхититься интеллектуальной смелостью авторов текста, который называется «четвертая часть ГК РФ». Коллеги знают, что время от времени в научно-исследовательские институты приходят письма, являющиеся результатом интеллектуальной деятельности свободных читателей, типа «я придумал теорию всего». У меня такое ощущение, что четвертая часть ГК РФ — это «теория всего», по той простой причине, что в ней ставится знак равенства между формами, способами обеспечения нормального развития интеллектуальной творческой деятельности, с одной стороны, и очень узким кругом институтов интеллектуальной собственности — с другой. Нет, не было и не может быть такого знака равенства. Поэтому данная «теория всего» и вообще идея кодифицировать бурно развивающуюся область равносильна тому, как если бы мы только что прилетели на планету Марс, а кто-то уже пишет монографию о его внутреннем строении. На мой взгляд, это странно, надо было бы еще узнать, что там происходило, как это будет развиваться, какова динамика процессов и т.п.

На этот случай есть исторический пример. По-моему, в средние века была защищена диссертация на тему (скажу, может быть, не точно, но близко к тексту): «О предполагаемой надписи на предполагаемой могиле предполагаемого первого человека Адама на предполагаемом острове Ява». Вот это образ нынешней четвертой части ГК РФ. При крайне узком, крайне ограниченном опыте работы со всеми этими категориями сразу кодифицировать эту сферу права...

И.Г. Яковенко

Коллега, а Вы помните «научный коммунизм» и «законы научного коммунизма»? Это гораздо ближе.

В.Л. Тамбовцев

Да, это тоже хороший пример, я согласен. Отечественная школа права, естественно, имеет свою историю развития и свои традиции. Есть, однако, и другая правовая система — система общего права. Там кодексы, в общем, не пишут. Там сначала возникает прецедент, разбирают конфликты, какие-то дела, принимают решения, жизнь показывает, насколько эти решения осмысленны или неосмысленны, затем соответственно меняют эти решения, и из всего этого складывается отрасль права.

Но мы же работаем по-другому: сначала, так сказать, «забьем», а потом начинаем вводить поправки. А что за этими поправками ломаются человеческие судьбы, — кого это волнует! Главное, что создан том, введена в действие очередная часть, и вперед с песней.

В заключение — пример из письма Сергея Петровича, где он говорит об общедоступности информации. Понятно, как говорили марксисты, «на поверхности явлений» действительно люди договорились и решили, что будет так. Но люди же, вероятно, все-таки договаривались умные, и поэтому они не с кондачка так решили. Почему и отчего информация, являющаяся результатом очень дорогостоящей деятельности, связанной с исследованием природы, с помощью, например, синхрофазотрона, всем открыта? Почему они не защищены тайной, как это делал Галилей, когда записывал анаграммы про фазы планет? Какой в этом резон? С точки зрения экономиста, резон очень простой: это делается с целью минимизировать совокупные издержки. Представьте, что вы провели дорогостоящее исследование на синхрофазотроне и спрятали свои результаты в сейф. По неэкономическим причинам кому-то другому стало это интересно, он строит свой синхрофазотрон, открывает то же самое, потом опять прячет, и так до тех пор, пока кому-то это снова станет интересно. И вот лежат в сейфах 25 одинаковых результатов экспериментов, сделанных каждый на своем синхрофазотроне. Это абсолютно бессмысленная деятельность. Так что в данном случае свободная публикация экономит издержки.

Почему так нельзя поступить, скажем, с книгой? Я написал книгу, детектив, и она хорошо продается. Вот в этом «хорошо продается» главное отличие книги от синхрофазотрона и обобществления результатов экспериментов на нем. В чём отличие? Именно в том, что это моё квазипроизведение продается, т.е. оно компенсирует мои затраты, приносит мне прибыль, у меня есть интерес это делать. И мне больше никто не нужен. Существу ю я и существует мой покупатель. Все остальные лишние в этом союзе. А вот когда я произвожу опыт на синхрофазотроне, его результат не продаётся. Поэтому для меня, физика, возникает

проблема компенсации издержек, а для меня, автора детективного романа, такой проблемы не возникает. Поэтому в случае автора детективного романа работает свободный рыночный механизм, а для физика возникает проблема поддержания моей жизнедеятельности. Так что без спонсора в виде государства или в виде какого-то фонда физик ничего не сделает. А если так, то мой спонсор будет решать, что с этим делать, и спонсор понимает, что для того, чтобы его средства, точнее, следующая порция средств была эффективно использована для решения других задач, уже полученные результаты надо обнародовать. Так что здесь, как мне кажется, вопрос чисто экономической рациональности.

Ю.А. Рыжов

Следующий выступающий — Константин Дмитриевич Лубенченко.

К.Д. Лубенченко

Я преподаю на юридическом факультете МГУ уже 30 лет и сейчас хотел бы защитить четвертую часть Гражданского кодекса РФ. Вспомним вообще анархию в отношении объектов интеллектуальной собственности в России, вспомним замечание Пушкина о невозможности в России по сравнению с Европой, и особенно с Лондоном, защитить результат творчества.

Но в качестве, может быть, легкого возражения надо вспомнить о возникновении юридически рационального способа регулирования товарного производства в Европе — гражданского кодекса, гимне частной собственности и ее защиты в лице Наполеона⁶. Наполеон считал, что останется в памяти многих в результате создания этого кодекса. В Европе особые формы развития по сравнению с британскими, но 60 лет спустя подтянулись и немцы. Надо сказать, что два эти документа являются юридически базовыми документами кодификации товарных частных отношений в Европе. Мне кажется, что настала пора и для России.

Четвертая часть Гражданского кодекса РФ принята, кстати, под давлением представителей общего права США и Великобритании, под давлением представителей романо-германских правовых систем Европы, чтобы в России, наконец, каким-то образом приостановить анархию и пиратство. Можно говорить, что в каждом правовом доку-

⁶ Имеется в виду Гражданский кодекс, принятый во Франции после революции 1789 г., известный как Кодекс Наполеона, в котором частная собственность провозглашалась «священной и неприкосновенной».

менте есть недостатки, безусловно, иногда бывают и крупные ошибки, но никакого другого пути хоть как-то рационализировать то, что происходит на нашем рынке, наверное, у авторов этой части Кодекса не было.

Ю.А. Рыжов

В ответ — к Вам вопрос одного из наших докладчиков.

А.Н. Елисеев

Константин Дмитриевич, у меня несколько вопросов к Вам.

Вопрос первый. Существует, например Земельный кодекс, существует Лесной кодекс. Почему нет кодекса интеллектуальной собственности, а только четвертая часть Гражданского кодекса РФ? Второй вопрос: почему при введении в действие четвертой части Гражданского кодекса должны утратить силу законы об авторском праве, весь пакет законов? И третий вопрос: не получится ли так, что первые три части Гражданского кодекса РФ будут относительно стабильными, а в силу общественного прогресса, в силу knowledge economy, движения общества к экономике знаний четвертая часть Гражданского кодекса РФ будет неизбежно раздуваться за счет новых областей деятельности?

К.Д. Лубенченко

В первом вопросе есть объективный и субъективный моменты. Во-первых, существуют определенные доктрины и приверженность им. Например, Гражданский кодекс РФ есть «всё и вся». Он регулирует частно-правовые и публично-правовые отношения, но главным образом гражданско-правовые отношения в сфере частной собственности, в сфере собственности вообще. Вы правильно обратили внимание на то, что прежде чем написать кодекс, необходимо создать правовые нормы, указывающие, что законодатель и общество осмыслили происходящее. Кодекс становится бессмыслицей, если не отрегулированы соответствующие правовые отношения в обществе и правительство в полной мере не дает себе отчета в этой сфере. Яркий пример тому — банковский кодекс. Но я уже говорил, что существует идея встроить всё в Гражданский кодекс РФ. Земельные отношения тоже, но потом разработчики от этой мысли отказались, они сделали ссылку на будущий Земельный кодекс, который затем был принят. Это одна сторона дела. Вторая сторона — утрата силы законов.

Если в четвертой части существуют общие и специальные нормы, которые повторяют, вбирают в себя существующие законы, то нет ни-

чего страшного в их отмене как самостоятельных. Но категорическую отмену я никогда не приветствовал. Я бы ставил вопрос об отмене только в случаях прямого противоречия, а общество должно в конце концов, хотя бы на практике в судебных спорах, увидеть, какие нормы следует отменить, а какие — добавить.

Что касается развития прогресса, — тут ничего не остановишь. Я думаю, возникнет момент, когда институт интеллектуальной собственности вполне может быть выделен как самостоятельный. Когда-то люди бились с саблями и маузерами, чтобы, например, правовое регулирование брачно-семейных отношений не рассматривалось отдельно от гражданского права. Какое-то время так и было, а потом все-таки эта сфера объективно выделилась. И здесь тоже, я думаю, не найдется таких гениев от юридической науки, которые смогли бы удержать отрасль интеллектуальной собственности в рамках гражданского кодекса. А что это отрасль — факт. Это колоссальный массив товарных отношений, приобретающих ведущее место в развитии производства в мире в большей степени, наверное, чем непосредственно материальное производство. И это в конце концов заставит выделить интеллектуальную собственность в особую отрасль.

Ю.А. Рыжов

Передаю слово следующему выступающему — Юрию Николаевичу Михайличенко, ответственному секретарю Экспертного совета по правовому регулированию и защите интеллектуальной собственности Комитета по предпринимательству Госдумы.

Ю.Н. Михайличенко

Мы много говорили о правовом регулировании интеллектуальной собственности, понимая это как совокупность прав. Вместе с тем (и это не раз уже обсуждалось на подобных мероприятиях) в рамках государства, в рамках права регулируется от 10 до 30%, так сказать, оборота интеллектуальной собственности. Остальные 70–90% — контрафакт, обращающийся как угодно. Поэтому, на мой взгляд, актуальнее тема культуры потребления интеллектуальной собственности и ее производства.

Мы рассуждаем о том, какая должна мотивация — экономическая или альтруистическая? Прежде всего, должна сложиться, как в других странах, например в США, культура производства и воспроизводства интеллектуальной собственности. Я имею в виду культуру деятельности человека, его неотъемлемое желание что-то произво-

Фото В. Федорова

Ю.Н. Михайличенко

дить. Человек тем и отличается от животного, что способен производить и воспроизводить интеллектуальную собственность, а уже право на её использование — вопрос третий. Проблема в том, каждый ли до единого в нашей стране может производить и воспроизводить интеллектуальную собственность или это будет доступно только 10% населения?

Другой вопрос — культура потребления интеллектуальной собственности. В Европе не так много людей, готовых купить контрафактную продукцию, в основном её там покупают либо по незнанию, либо по неосторожности. В России у населения нет даже внутреннего ощущения правонарушения при покупке контрафактного товара. Схватить, например, булку из магазина и убежать — это воровство, но купить контрафактный диск или скачать программу, — вся страна только этим и занимается. Поэтому культуру потребления нужно воспитывать, создавать. И здесь я подошел к самому главному.

Когда мы говорим о роли государства в развитии интеллектуальной собственности, то имеем в виду прямые инвестиции в создание интеллектуальной собственности, но почему-то забываем о косвенных инвестициях в культуру производства интеллектуальной собственности, в развитие культуры потребления. Это колоссальные инвестиции, и они необходимы, с одной стороны, на социальную рекламу и

прочее, что может подвигнуть на создание интеллектуальной собственности независимо от того, будет она защищена или нет. С другой стороны — на развитие культуры потребления. Ведь если контрафактная продукция не будет принята обществом, не найдет потребителя, то не будет и экономических стимулов воспроизводства этой продукции или интеллектуального воровства. Может быть, надо и этот аспект затронуть?

Ю.А. Рыжов

Я кратко прокомментирую выступление Юрия Николаевича. Он затронул вопрос о культуре потребления. Вопрос о культуре потребления в России стоит давно и применительно к чему, вы прекрасно знаете — это первое.

Второе — о потреблении контрафактной продукции. О существующих противоречиях в этой сфере говорит и Сергей Петрович в своей записке на примере, как в Китае, с одной стороны, бульдозерами давят контрафактные диски и часы Rolex, а с другой стороны, закрывают глаза на крупных производителей этой самой контрафактной продукции. Это чисто пиаровская акция, потому что весь Китай работает на контрафакте. А мы на чем работаем? На том же самом. И Сергей Петрович не без основания пишет, что развитые государства должны бесплатно отдавать этот продукт развивающимся странам, чтобы эти страны развивались дальше. И мы, развивающееся или развитое государство, через ту самую «Горбушку» пользуемся этим донорством, потому что другого нам пока не дано.

Следующий выступающий — Александр Зиновьевич Бондурянский, проректор по учебно-методическому объединению Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

А.З. Бондурянский

Я с большим интересом слушал все, о чем говорили, и мне кажется, что в докладе прозвучала фраза о том, что без стимулирования производство интеллектуальной собственности угасает или прекращается. Это все-таки ошибочный постулат. Не хочу быть банальным, но не могу не вспомнить слова Льва Николаевича Толстого, что «писатель — это не тот, кто может писать, а тот, кто не может не писать». Мне кажется, для композитора, даже для исполнителя в какой-то момент не важно, стимулируется его деятельность или нет, он все равно будет писать музыку, и он все равно будет выступать на сцене, даже если в зале будет сидеть несколько человек.

Главный вопрос, мне кажется, заключается в том, насколько государству или частным инвесторам выгодно развитие художественного творчества. Даже не выгодно, а насколько интересно развитие художественного творчества. Насколько и тот, и другой — частный инвестор и государство — способны финансировать и стимулировать это самое художественное творчество независимо от того, принесет оно прибыль или не принесет. Потому что прибыльнее всего вкладывать деньги в шоу-бизнес, что у нас и происходит сплошь и рядом. Гораздо сложнее вкладывать деньги в то, что сегодня не приносит прибыли и, может быть, никогда не принесет прибыли, но поддерживает культуру общества. Поэтому, когда речь идет об инвестициях в культуру потребления интеллектуальной собственности, — здесь я бы поставил точку сразу после «инвестиций в культуру». Потому как если инвестировать в культуру вообще, то возникнет культура общества, которая даст возможность развивать и прочие культуры, в том числе и культуру потребления. Прежде всего, надо делать культурным общество, что не просто и гораздо сложнее.

Что же касается нарушения авторских прав, скажу, что здесь не только мы такие нехорошие, на Западе тоже часто прибегают к разного рода хитростям. Мне приходится часто ездить с концертами, и сейчас организаторы концертной жизни практически во всех странах просят не исполнять сочинения современных авторов, а включать в программу сочинения только умерших до 1930 г. (на них не распространяются авторские права). Причем, скажем, если наше РАО⁷ еще что-то пропускает, просто нет системы мониторинга, то уже GEMA⁸ и SACEM⁹ — это вообще организации, от которых, по-моему, ничего не скроется: ты еще не успел выйти на сцену, а у них уже рапортичка готова. Поэтому современным авторам легче исполняться у нас, чем на Западе.

По поводу того, почему у нас так мало нобелевских лауреатов, а в Америке много, — наверное, потому что там не боятся финансировать не только то, что может принести сиюминутную прибыль. И это дает колоссальный простор научным исследованиям, это давало бы колоссальный простор и творчеству, если бы можно было экспериментировать без боязни потерпеть неудачу. У нас ведь не дай Бог, если ты дал неуспешный концерт: так ославят, что потом тебе вообще никто и полешки не подаст. Человек, художник не должен быть лишен святого,

⁷ Российское авторское общество.

⁸ Немецкое музыкальное общество.

⁹ Французское музыкальное общество.

А.З. Бондурянский

с моей точки зрения, права на неудачу, поскольку это дает стимул для дальнейшего творческого роста, способствует развитию интеллектуальной деятельности, во всяком случае, развитию музыкального и исполнительского творчества.

Ю.А. Рыжов

Поделиться мнением хочет Михаил Юрьевич Лермонтов, президент Ассоциации «Лермонтовское наследие», советник министра культуры России.

М.Ю. Лермонтов

Я хотел бы добавить, что 12 марта Президент РФ подписал указ о создании нового, как в газетах написали, «суперведомства», объединив Росохранкультуру и Россвязьнадзор. Причем новое образование Россвязьохранкультура наделено и законодательными, и исполнительными, и надзорными функциями одновременно, в отличие от случаев, когда в соответствии с идеями административной реформы министерство разрабатывает закон, служба надзирает, а агентство выполняет и т.д. Это говорит о том, что власть начинает отдавать себе отчет в том, что общество переходит в состояние информационного общества, а в

информационном обществе другие законы, формирующие право на собственность, отличающейся от обычной.

С моей точки зрения, управление интеллектуальной собственностью — это в большой степени регулятор информационной реальности. И Гражданский кодекс РФ, хотя и кажущийся нелепым в этой части, к сожалению, — единственная норма, регулирующая нашу жизнь на ближайшее время, пока не будут сделаны какие-то разумные дополнения на основании опыта работы в области права на информацию. В этом смысле первостепенное значение приобретает формирование информационного контента. Информационный контент как средство бытия информационного общества, а самое главное, интеллектуальная собственность на этот информационный контент — ключевой вопрос современного государственного управления, в том числе в области интеллектуальной собственности вообще.

По поводу денег, которые государство должно выделять на формирование информационной реальности через госзаказ на контент для телевидения, радио, прессы и Интернета. В Общественной палате были дискуссии по поводу того, что давайте, убедим Президента в необходимости национального проекта по культуре, выделим деньги. Но вот вопрос: кому «выделим», кто и что сумеет сделать на эти деньги? Проблема в том, что у нас нет модели информационного общества как соответствующего национальным интересам государства. И пока мы будем пробуксовывать в государственном управлении информационной реальностью, то, конечно, и находиться будем там же, где находимся (по известной формуле: «хотели, как лучше, а получилось, как всегда»).

Отсюда также вытекает ответ на вопрос, почему большинство нобелевских лауреатов в Америке и почему там более интенсивная в этом смысле деятельность, создающая глобальную информационную платформу для эффективных коммуникаций в сфере науки. С точки зрения мотивации есть еще одна незатронутая область, которую мне хотелось бы добавить в реестр. Существует патент на систему управления РАО ЕЭС России. Руководители нескольких других крупных государственных учреждений начинают обладать правом на систему управления. Здесь затраты на производство этого продукта не государственные, здесь, — что важно, — происходит капитализация человеческого капитала, проявляется личностная мотивация, где бы ты не находился, в том числе и в государственных учреждениях. Это существенный аргумент в пользу того, что сегодня в соответствии с действующим законодательством действительно каждый руководитель каждой государственной структуры может получить право на такой патент. Поэтому

я заканчиваю свое выступление тем, что многообразие форм интеллектуальной собственности нас будет удивлять все больше и больше. Государство, конечно, будет принимать какие-то меры, но от нашей с вами позиции будут зависеть, какие именно.

Ю.А. Рыжов

Михаил Юрьевич, а как Вы относитесь к тому, что объединили ведомства, о которых Вы говорили, и сосредоточили в одном месте исполнительные, контрольные и все остальные функции?

М.Ю. Лермонтов

С точки зрения, так сказать, государственного наблюдателя, не знающего внутренней кухни, я отношусь к этому положительно, потому что теперь это ведомство по положению в Правительстве РФ будет равно Службе внешней разведки, Таможенной службе...

Ю.А. Рыжов

Это по иерархии? А когда оно будет равно Кремлю, там сосредоточатся исполнительные, законодательные и контрольные власти?

М.Ю. Лермонтов

Нет, я сейчас говорю по статусу. По статусу защиты национальных интересов в информационной сфере оно должно быть на уровне Службы внешней разведки.

Ю.А. Рыжов

Следующий выступающий — Игорь Григорьевич Яковенко, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

И.Г. Яковенко

Я хотел бы сказать несколько слов в порядке поступления идей. Дмитрий Борисович предлагал «побалагурить» о ситуации в США, но очевидно, что помимо сбалансированной системы собственности и правового регулирования здесь скрыты более глубокие детерминанты. Не после 1453 г., а лет за 70 до этого интеллектуалы потянулись из Византии в Венецию и в другие итальянские города. В Америке нобелевские лауреаты зачастую не граждане США. Существует общеисторическая закономерность (я историк культуры, и любой историк не даст мне соврать): есть страны-мировые лидеры, где создаются некоторые новые условия, новые качества. И люди творчески высокого уровня пе-

Фото В. Федорова

И. Г. Яковенко

ремещаются туда, где это качество идеально для творчества, где они востребованы. Это общая закономерность, и она здесь срабатывает. В этом смысле правовое регулирование и обсуждаемые нами механизмы важны, но не имеют решающего значения. Это первое суждение.

Второе — относительно творчества и мотивов. Разумеется, творческая, интеллектуальная, как и почти любая деятельность человека, происходит под влиянием суммы мотивов. Скажем, моя ситуация абсолютно тривиальна. Я — ученый, я создаю какой-то интеллектуальный продукт, но платят мне не за это, а за то, что я преподаю. Наверное, если бы мне платили какие-то приличные деньги за научную работу, я бы производил больше интеллектуального продукта. Но ведь интеллектуальная собственность в том виде, в каком она сегодня существует на рынке, это, как правило, собственность на специальный род деятельности, который создает товары. Хорошая ситуация в России или плохая — это другой разговор.

Тысячелетиями существовала одна стратегия — сохранение технологии, ремесленная тайна. Хетты скрывали железо, я назову еще фарфор, греческий огонь и множество других технологий. Человечество веками жило так, что мастер накапливал секреты и никому их не передавал до самой смерти. Человечество это изжило, поскольку такая стратегия жизни, накопления знаний и их передачи, — стратегия принци-

пиально не интенсивная. Переход к рыночной экономике капитализма потребовал другого механизма. Этот механизм и реализовался, как я понимаю, в институте рынка и рыночных отношений, в институте авторских прав, интеллектуальной собственности. Этот институт, заметим, растущий. Наверное, в Сибарисе был создан прецедент, но этот прецедент реализовался гораздо позже. По-настоящему это развивается с XVIII в., и это количественно и качественно растущий институт.

С другой стороны, — здесь я с Сергеем Петровичем соглашусь, — этот институт, регулируемый правом интеллектуальной собственности, конечно, диалектичен, поскольку человечество как целое и каждое общество в отдельности заинтересовано в том, чтобы социально значимый интеллектуальный продукт как можно скорее становился достоянием заинтересованной части общества, которая может его использовать. Но других способов развития, кроме диалектики этой потребности и необходимости вознаграждения, причем именно не компенсации, а вознаграждения, т.е. прибыли и пр., пока не придумано. Такая диалектика будет свойственна развитию этого института и этим отношениям и дальше. Она обостряется — ведь право собственности может существовать до тех пор, пока оно работает, и как только начинается массовый контрафакт, мы видим границы этого права.

Была отмечена еще замечательная проблема культуры потребления. Мне как культурологу она близка, и хочется высказаться. Прежде всего, Россия — общество, на самом деле, докапиталистическое. Я говорю о мышлении, о ментальности. Во-вторых, Россия — это тебе не «юридизм», это не Европа, мы все про это знаем. И, наконец, в-третьих, для того, чтобы я уважал чью-то собственность, — неважно, интеллектуальную или физическую, — я, понимаете, сам должен быть собственником, должен пережить ощущение себя как собственника. А это совершенно другая модальность человека. Когда в России возникнет собственник, осознавший, как говорил Гегель, не вещь в себе, а вещь для себя, тогда можно ожидать, что он будет относиться к собственности по-другому. Для него неупотребление контрафакта станет предметом самоуважения.

Я учился в школе и помню слова: «...жаль только — жить в эту пору прекрасную уж не придется — ни мне, ни тебе»¹⁰. Надо это понимать: мы с вами живем в стране, где собственность понимается в таком вечно материальном отношении. А интеллектуальная собственность — это штука нематериальная.

¹⁰ Из стихотворения «Железная дорога» Н.А. Некрасова.

Ю.А. Рыжов

А теперь слово Сергею Леонидовичу Лескову, обозревателю газеты «Известия».

С.Л. Лесков

Я больше привык писать, чем говорить, но здесь попробую освоить новый жанр. Мне кажется, попытки охранять интеллектуальную собственность в состоянии, в котором находится наше общество сейчас, могут оказаться очень вредными и привести к еще более плачевным последствиям. Может быть, я утрирую, но постараюсь аргументировать свою мысль. В чем здесь опасность?

Когда мы говорим об охране интеллектуальной собственности, то предполагаем наличие этой собственности. А у нас сейчас нет интеллектуальной собственности, которую производили бы граждане нашей страны. Возьмем, к примеру, науку — об этом говорить проще всего: индекс цитируемости работ российских ученых чрезвычайно низок. Значит, скорбный плач Академии наук о слабом финансировании справедлив. Но можно оценить это и по другим параметрам. Работы, осуществляемые даже при неплохом финансировании, не цитируются на Западе, они проходят незамеченными. В своих статьях я неоднократно приводил цифры, держать их в голове невозможно, но факт, что научная работа проходит большей частью вхолостую.

Говорить о том, что деятели культуры производят сейчас нечто достойное, того чтобы охраняли, — мне кажется, я неплохо знаю литературу и сильно сомневаюсь в этом. Она находится, скажем, не в лучшем периоде своего развития, и страна, в которой жили Толстой, Достоевский, Чехов, вряд ли может гордиться продолжателями их дела.

Плохо сейчас и с тем, что можно назвать продуктами интеллектуальной собственности. Спрашивали, почему в Америке так много лауреатов Нобелевской премии по физике. При расходах, требуемых на современную физику, это естественно. Но возьмем математику — математика не требует особого финансирования, это продукт голого разума. Весь объем годового финансирования Российского отделения математики равен стоимости одного современного танка — в общем-то, копейки, хотя мы гордимся своей математической школой. Для математиков есть аналог Нобелевской премии — знаменитая медаль Филдса¹¹, кото-

¹¹ Высшая награда Всемирного союза математиков, учреждена в 1936 г. Филдс Джон Чарльз (1863–1932), канадский математик, иностранный член-корреспондент АН СССР (1924).

Фото В. Федорова

С.Л. Лесков

рую в прошлом году получил небезызвестный всем математик Григорий Перельман. Много ли еще российских математиков получили медаль Филдса? Больше, чем физиков, но их все равно очень мало. Впрочем, и те, кто получили (по-моему, человек 10–12), работают на Западе. И так, даже когда и денег не надо платить ученым, мы все равно не можем произвести интеллектуальный продукт.

По поводу обмена сведениями. В Институте космических исследований идет прямая трансляция, как и какую информацию американские марсоходы получают на Марсе. Американцы могли бы объявить это интеллектуальной собственностью, закрыть её от всего мира, особенно от нас. Почему они это не охраняют? Могу высказать предположение. В производстве знаний, в творчестве есть некий триггер-эффект, когда, производя какое-то знание и делясь с ним, ты тем самым еще больше обогащаешь себя, гораздо быстрее уходишь вперед, чем если бы ты это знание охранял. Есть две тенденции. Одна — охранять знания, и видимо, законы об охране интеллектуальной собственности на это и направлены. А есть другой характер работы на этом поле — воспроизводство, преумножение знаний. Американское общество направлено на последнее.

Опасность происходящего сейчас у нас в этой сфере — именно в охранительной тенденции. Юрий Алексеевич, Вы возглавляете, по-

моему, Союз борьбы за невинно осужденных ученых. Ведь это из той же области. Вместо того чтобы производить знания, нормально платить и финансировать (не охранять) работу ученых, у нас опять входят в силу «первые отделы». Как эти первые отделы будут использовать законы об охране интеллектуальной собственности? Боюсь, что во вред обществу.

Приведу житейскую аналогию. В какой-то момент своего жизненного пути человек почему-то резко меняет свои интересы. Вы замечали, пенсионеры начинают вдруг считать деньги: выбирают более дешевый маршрут, идут в какой-то другой магазин, экономят? Это признак старости. Молодые люди разбрасывают деньги, разбрасывают идеи, они знают, что могут еще заработать. Когда общество делает ставку на то, чтобы охранять имеющееся у него, — это говорит о старости общества. Американское молодое общество не особенно обеспокоено этим: пожалуйста, посмотрите, мы что-то на Марсе добыли и делимся этим! Мы же, как пенсионеры, пытаемся охранять то, чего у нас, кстати, уже и нет.

К.Д. Лубенченко

Позвольте высказать небольшое замечание. Процесс формирования права на интеллектуальную собственность начался под давлением американцев. Американское правительство выделило большие деньги на гранты, на обучение юристов в США. И это громадное число юристов, воспитанных американцами и под давлением американцев, вернувшись в Россию, стали заниматься вопросами охраны собственности.

Ю.А. Рыжов

Следующий выступающий — Аполлон Борисович Давидсон, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ.

А.Б. Давидсон

Мне было очень интересно это заседание и интересно последнее выступление Лескова Сергея Леонидовича. И, как ни странно, наш разговор вызывает у меня оптимизм — в целом и в частности.

Сергей Леонидович, Вы сказали о том, что наша страна когда-то дала миру Толстого, Достоевского..., а сейчас, мол, что? О том, как оценит человечество нашу сегодняшнюю культуру (я историк), будет понятно лет через 50. Еще Вы сказали, что в Америке успех науки определяется тем, что там не жалеют на это денег. Это, конечно, важно, но Александр Зиновьевич Бондурянский напомнил слова о том, что пи-

А.Б. Давидсон

сатель не тот, кто может писать, а тот, кто не может не писать. То же самое относится и к ученым. Так что сегодняшнее заседание, в общем, вселило в меня оптимизм. Я вообще предпочитаю жить в соответствии со словами Черчилля, который когда-то сказал, что он, конечно, оптимист, потому что какой смысл быть кем-нибудь другим?

Ю.А. Рыжов

Аполлон Борисович, спасибо, может быть, Ваш оптимизм передастся и другим.

В.Л. Тамбовцев

Коллеги, две короткие реплики. Первая реплика по поводу культуры потребления. С точки зрения экономиста, «культура потребления» — понятие абсолютно неопределенное, расплывчатое и смысла не имеющее. Экономист работает в понятиях «рациональный потребительский выбор». Извините, но или вы навязываете потребителю, что ему делать и чего ему не делать, и тогда большое вам не спасибо, или вы создаете такие условия для потребительского выбора, включающие, кстати, и бюджетные ограничения потребителя, когда он, оптимизируя свою полезность, выбирает то, что хотелось бы и обществу.

Итак, или тащить и не «пускать» (рассуждая при этом о культуре потребления) — и это насилие, этого делать не надо. Или создавать условия для нормального потребительского выбора. Французы не пьют «бормотуху», потому что у них хорошее вино стоит 3 евро. У них условия другие, и им не надо предписывать, что и как выбирать. И у нас люди не будут покупать программы за 200 долл., когда могут купить за 20 руб. Запрещать это, не создавая, не увеличивая бюджетного ограничения, — значит, совершать насилие над личностью.

Вторая реплика по поводу того, чем же заняться министерству культуры и что ему финансировать. Лет 20 назад мы с коллегами написали некую работу для тогдашнего министерства культуры по поводу направлений культурной политики с очень ясным простым экономическим обоснованием, что должно финансировать государство, а где пусть живут, как живут. Это блага, обладающие значительными позитивными внешними эффектами, и таких типов благ в художественной культуре ровно два. Первое — это то, что связано с классикой, памятниками культуры, музеями и т.д. И второе — эксперименты, экспериментальное творчество. Это то, что надо финансировать государству. Все остальное выживет самостоятельно.

Ю.А. Рыжов

Слово Александру Михайловичу Вилинову, первому проректору РГИИС.

А.М. Вилинов

Постараюсь коротко изложить свои комментарии.

Мне представляется, что в рассуждениях о культуре потребления мы просто априори объявили презумпцию виновности, потому как, покупая на «Горбушке» диск, вы являетесь добросовестным покупателем по определению. И мы проводили опросы на «Горбушке» среди продавцов, спрашивали, лицензионную ли продукцию они продают. Все говорят, да, лицензионную. Никто не обязывает нас как покупателей доказывать, покупаем мы лицензионную или нелицензионную продукцию, поэтому для нас здесь контрафактной продукции нет. Кстати говоря, для них тоже, они добросовестные продавцы.

Второй комментарий по поводу исследований Марса. Существует международное соглашение по освоению космического пространства. Понимая, что это невозможно сделать в рамках одной страны, все государства обязались эту информацию делать открытой, поэтому трансляция с Марса и поступает к нам в Институт космических иссле-

дований. А наши подобные исследования поступают в США. Здесь ничего удивительного нет.

Третий комментарий, который хотелось бы сделать по поводу отсутствия культуры потребления интеллектуальной собственности. Вчера на заседание ученого совета РГИИС приехал руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности Симонов Борис Петрович. Приехал он после лекции, которую читал федеральным судьям в Академии государственной службы. Я бы описал его состояние (несмотря на то, что должность, видимо, обязывает его находиться в состоянии равновесия), как близкое к паническому ужасу от того, что он увидел и услышал, пытаясь изложить аудитории самые азы, то, что мы рассказываем студентам — будущим специалистам в области правовой охраны интеллектуальной собственности — на первом курсе.

Поэтому не в культуре потребления дело. Исследования показывают, что законодательство США в области интеллектуальной собственности стимулирует создание объектов интеллектуальной собственности. Наше отечественное законодательство, даже в виде четвертой части Гражданского кодекса РФ, тормозит его. Это законодательство создает препоны нашим авторам, в то время как у американских авторов есть стимулы. Почему — наверное, юристам виднее. Здесь дело не в кодифи-

кации. Сейчас интеллектуальная собственность и развитие институализации интеллектуальной собственности достигли уже уровня кодекса, а не отдельных законов. И я думаю, к 2008 г., к моменту вступления четвертой части ГК РФ в силу, у нас будет совершенно другая версия закона, поскольку уже произошли большие изменения, появились новые проекты, комментарии. Преподавателей нашего института просто рвут на части по всей России с просьбой выступить с комментариями к четвертой части Гражданского кодекса РФ, но к 2008 г. мы будем иметь другую конструкцию. Пока же это, как в свое время было сказано в отношении исследования операций, — плохой способ давать ответы на вопросы, но при других способах ответы получатся еще хуже.

Короткий комментарий по поводу патентов на системы управления, скажем, в РАО ЕЭС. Вообще говоря, система управления не патентоспособна. По-видимому, был запатентован способ управления, и если бы в этом способе не было новизны, патент получить было бы невозможно. Если же экспертиза показала наличие мировой новизны и возможность применения этого способа в России и в международном масштабе, то, наверное, это хорошо. Хорошо, что РАО ЕЭС стало правообладателем объекта интеллектуальной собственности, который можно продавать, вывести на рынок. Это никак не ограничивает права других авторов. Изобретатели ведь, практически, никогда не продают свои изобретения, писатели не продают свои книги. И когда издательство, заключив договор и получая исключительное право, вместо 5 тыс. издает 50 тыс. экземпляров, — автор-то здесь причем? А если покупают эти свыше 5 тыс. экземпляров — это что, низкая культура потребления? Я думаю, это не так.

Ю.А. Рыжов

И последний выступающий на нашем заседании сегодня — Александр Семенович Горелик, директор Информационного центра ООН в Москве.

А.С. Горелик

Я хочу привести два примера экономического либо же внеэкономического подхода, стимулов, ограничений в области интеллектуальной собственности.

Сергей Петрович в своей записке говорил об инициативе ООН о безвозмездном предоставлении научно-технической информации развивающимся странам. Такая инициатива есть, и это целое направление в международных делах. ООН продолжает настаивать на том, чтобы,

Фото В. Федорова

А.С. Горелик

скажем, фармацевтические компании и компании, производящие медикаменты, особенно против таких болезней, как СПИД, передавали патенты в страны третьего мира безвозмездно, чтобы там могли воспроизводить эти лекарства. Это понятно по политическим соображениям: нужно подтягивать страны третьего мира с точки зрения развития, бороться со СПИДом, туберкулезом и т.д. Но здесь работают и экономические ограничители. Например, если, скажем, бразильская или южно-африканская компания получает возможность производить эти лекарства, то только при условии, что медикаменты не будут экспортироваться и продаваться в странах, где действуют эти патентные нормы, а предназначаться только для стран «третьего» мира. Правда, надо учитывать, что и качество этих лекарств не будет все-таки стопроцентно гарантировано.

Второй пример экономического/внеэкономического противостояния в области интеллектуальной собственности касается Интернета. Весь Интернет замешен на правах интеллектуальной собственности. Под эгидой ООН в последние годы идет очень живая и напряженная дискуссия по поводу того, кто должен задавать правила игры во Всемирной Сети? Сейчас, как вы знаете, почти всем Интернетом руководит одна американская некоммерческая фирма, которая, однако, получила лицензию от правительства США. Это многим не нравится.

Мнения разделились. Одни говорят, что заведование Сетью должно быть делом чисто не коммерческим, не рыночным (при всей условности слова «чисто»). Другие возражают: нет, погодите, как это мы отдадим такое дело правительству со всей вытекающей бюрократизированностью! В этом противостоянии есть несколько лидеров. По понятным причинам едва ли не главный из них — Китай. Вопрос еще не закрыт. Создан специальный орган опять-таки под эгидой ООН, вязкие переговоры продолжаются. Нельзя исключить, что в обозримые годы все-таки более сильное, более выраженное межгосударственное регулятивное начало в Интернете возобладает, и мы еще посмотрим, к чему это приведет.

Ю.А. Рыжов

И наконец, заключительное слово наших докладчиков. Прошу вас.

А.Н. Елисеев

Я хочу всем сказать большое спасибо, и мог бы повторять слова благодарности по многим причинам. Во-первых, за то, что нам с Иваном Евгеньевичем была предоставлена возможность выступить и обсудить нашу работу в известном и уважаемом клубе. В вашем клубе обсуждение было построено таким образом, что разные с самого начала подходы, взгляды на одну и ту же проблему имели тенденцию (я это с удовлетворением наблюдал) «складываться» в единый «котел». Что-то там в этом «котле» происходило, в результате чего неважное выпало в осадок, зато важное кристаллизовалось. Произошла, так сказать, синхронизация взглядов.

Второе, за что я вам благодарен, — итоги обсуждения дают нам с Иваном Евгеньевичем право и надежду продолжать наши исследования, развивать позицию, которую мы сегодня представили. С некоторыми тезисами выступающих мы с Иваном Евгеньевичем согласны и учтем их в нашей дальнейшей работе.

Хочу отметить выступление В. Л. Тамбовцева, в котором он так лаконично, в течение трех минут, изложил экономический подход к вопросу «культуры потребления», затронутый Ю. Н. Михайличенко, чего мне бы не удалось сделать и за полчаса. Вместе с тем позволю себе сделать еще одно небольшое дополнение в пользу тезиса Виталия Леонидовича.

Когда возникло то, что теперь называется «контрафактом»? Для меня лично не тогда, когда появились в формате MP3 компьютерные игры, программы, например, операционных систем и т.д. Для меня это свя-

зано с третьей машинописной копией романа Булгакова «Мастер и Маргарита» еще в советское время. Уверен, я был не единственным, для кого приобщение к творчеству Булгакова возможно было лишь через такой «контрафакт». Но я выступал его потребителем, а не производителем. Что же происходит сейчас? Любая компания, например, производящая программное обеспечение, не прочь закинуть «наживку» в какой-нибудь слаборазвитой стране, которая только-только выходит на потребительский рынок соответствующих услуг, чтобы у потребителя «коготок увяз». И как только проявляется большая потребность в продукте, то, подцепив потребителя «на крючок», начинается преследование за контрафакт, и все убытки можно возместить, установив монопольные цены на этот продукт. Это тоже один из вариантов развития действий. Поэтому, что касается квинтэссенции экономического взгляда на то, что называется «культурой потребления», — здесь я полностью согласен и жирно подписываюсь под словами Виталия Леонидовича Тамбовцева.

По поводу выступления Александра Зиновьевича Бондурянского и приведенной им знаменитой фразы Льва Николаевича Толстого: «Писатель не тот, кто может писать, а тот, кто не может не писать». Да, конечно, повторяю еще раз, существуют стимулы к творческой деятельности не только материального свойства. Но в нашем подходе с Иваном Евгеньевичем мы рассматриваем другое. Лев Николаевич, вообще говоря, был графом, помещиком. Он имел некий доход, не связанный с писательским трудом. Я уже приводил пример с Модильяни, давайте возьмем другие примеры. Существует профессиональный спорт и спорт любительский. В первом случае спортсмен получает основной доход от занятий спортом. Любитель же, даже если он ставит мировые рекорды, должен иметь какой-то источник дохода вне спорта, на который мог бы жить, имея, в частности, возможность заниматься спортом. Предмет нашего исследования — профессиональная интеллектуальная деятельность как источник дохода.

У меня все, правда, были выступления, на которые невозможно что-то ответить за одну-две минуты, — тема необъятная. Еще раз всем большое спасибо!

И.Е. Шульга

Я понял так, что мы с Александром Николаевичем выйдем аполонгетам исключительно материальных стимулов. Что я могу сказать в свое оправдание? Возвратившись домой после заседания клуба, я обещаю долго и серьезно думать, в результате чего, возможно, произведу

какой-нибудь интеллектуальный продукт, например, какие-нибудь изменения в нашей схеме. И тем самым опровергну самого себя, игнорирующего роль нематериальных стимулов.

Если же говорить серьезно, то высокие стимулы имеют значение в первую очередь для высокого искусства. Но хотим мы того или не хотим, когда мы говорим о результатах интеллектуальной творческой деятельности, то имеем в виду и телевизионные сериалы, и детективные романы, и компьютерные игры. А в этом случае стимулы все-таки будут несколько иными, более приземленными.

Грех не внести свою лепту в дискуссию о культуре потребления. Мне приходилось читать исследования по поводу культуры потребления на Западе. Действительно, выглядит все так, что типичный западный потребитель не будет покупать диск с целью последующего копирования и распространения контрафактных копий, — так он, безусловно, себя вести не будет. Но что интересно, оказывается, большинство западных потребителей не считает для себя зазорным пользоваться системой файлообменников в Интернете. Что это означает? С одной стороны, это доказывает тезис Виталия Леонидовича о рациональности потребления, потому что в первом случае факт копирования дисков, скорее всего, отслежат, и нарушитель будет наказан. С другой стороны, возможно, что западный потребитель не желает заниматься контрафактом в силу своих культурных установок. Но что такое контрафакт? Когда понятие контрафакта меняется постоянно и очень быстро, — в этой ситуации достаточно сложно сориентироваться.

В завершение я тоже хочу поблагодарить всех за интересную и полезную для нас дискуссию.

Ю.А. Рыжов

В завершение нашего заседания я позволю себе сказать несколько слов. В процессе обсуждения я сделал для себя вывод, который был ясен для меня априори, что вопрос об интеллектуальной собственности в XXI веке сегодня мы не решим. Я понял для себя, что, как говорил, Иван Евгеньевич, судьба всех видов интеллектуальной собственности в XXI веке будет зависеть от типа этой собственности и т.д. В то же время Сергей Петрович нам в первом и последнем абзаце своего послания сказал, что есть два подхода к интеллектуальной собственности: отдавать даром и продавать. Так отложилось в моем дилетантском сознании. Возможно, у профессионалов есть более глубокое мнение.

Два слова о кодексе. Слушая выступающих, сначала мне показалось, что надо как-то бороться с интеллектом создателей четвертой части

Гражданского кодекса РФ, но Константин Лубенченко, выступив в их защиту, несколько смягчил это дело. Вместе с тем основная мысль у Виталия Тамбовцева заключалась в том, что прежде чем создавать, надо изучить природу явлений. Я скажу по своим меркам — на примере трех законов термодинамики. В XV в. никто не мог бы сказать, что вечный двигатель первого и второго рода не может существовать. Это стало ясно гораздо позже, когда поняли, что это действительно невозможно сделать. Наверное, такой же путь, пусть не такой длинный, должно пройти и законодательство, касающееся интеллектуальной собственности в разных ее видах.

Благодарю всех за внимание к теме заседания Никитского клуба и за интересные мысли, которые вы по этому поводу высказали. Спасибо.

ИЖ

ДЕКЛАРАЦИЯ Никитского клуба

Никитский клуб — это частная инициатива ученых и предпринимателей, обеспокоенных судьбой российского общества и государства. Это стремление объединить интеллектуальные силы России как активный ресурс развития страны. Это гражданская ответственность ученых и деловых людей в общественном диалоге по актуальным для России проблемам.

Миссия Никитского клуба

Клуб видит свою миссию в том, чтобы консолидировать интеллектуальные ресурсы. В условиях системной трансформации власть, как правило, вынуждена действовать не столько по глубоко продуманному плану, сколько по обстоятельствам. Вопросы стратегии и глобальное видение проблем остаются вне поля зрения. Между тем, ошибки будущего рождаются в настоящем. Гражданская инициатива Никитского клуба состоит в том, чтобы общими усилиями научных, политических и предпринимательских кругов помочь обществу осознать себя и сформулировать приоритетные для страны позиции собственной стратегии развития в глобальном мире.

Цели Никитского клуба

- *консолидация* вокруг Клуба ответственных профессионалов;
- *создание* форума для обмена мнениями по важнейшим вопросам жизни общества;
- *содействие*:
 - формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
 - формированию культуры глобального мышления;
 - формированию идеологии преемственности, социального партнерства, ответственности;
 - осознанию интересов России и вытекающей из них политики в различных сферах жизни;
 - просвещению общества в сфере глобальных тенденций развития цивилизации.

Задачи Никитского клуба

- создание авторитетной независимой организации, формулирующей приоритеты в развитии страны;
- влияние на формирование текущей политики в различных областях жизни посредством непредвзятого и независимого анализа проблемы.

Методологические принципы

В основу работы Никитского клуба положены методологические принципы Римского клуба:

- междисциплинарный подход к современным проблемам страны и человечества;
- глобальная перспектива при исследовании проблем и ситуаций;
- сосредоточение на долгосрочных и комплексных проблемах.

Формы работы

Клуб допускает в своей работе все формы общения, обеспечивающие свободную, квалифицированную и авторитетную дискуссию, включая:

- независимые исследования и доклады;
- круглые столы, конференции;
- печатные издания, в том числе регулярное издание выпусков Никитского клуба;
- СМИ и сеть Интернет.

Никитский клуб

клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ заявил о своей публичной деятельности в марте 2000 года, в июне того же года получил юридический статус. Название «Никитский», с одной стороны, связано с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и организации его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России: князья Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Сохранились памятники архитектуры, авторами которых были Терский, Рябушинский, Жилиарди. На Никитском бульваре (в здании Музея Востока) в XIX веке размещался сначала Коммерческий, затем Государственный Банк России. В этом районе по сей день находятся научные, культурные учреждения, формируется современный деловой центр.